

«Надо глядеть
на жизнь
бесстрашно...»

Петр Боборыкин

Из литературного наследия

Когда-то Петр Дмитриевич Боборыкин (1836-1921) был одним из властителей дум, «рыцарем русской общечеловечности без страха и упрека», а его статьи и фельетоны о культурной и политической жизни Европы были излюбленным чтением либералов. Проведя большую часть жизни вне России, этот писатель, справедливо почитавшийся «русским европейцем», всегда оставался патриотом своей родины и по мере сил укреплял ее интеллектуальные связи с просвещенным Западом. Однако своим главным делом Боборыкин считал художественное осмысление русской действительности. Больше ста романов, повестей, рассказов и пьес, книги и очерки о театре и литературе, вышедшие из-под пера этого писателя за шестьдесят с лишним лет творческого труда, сложились в колоритную, до мельчайших психологических деталей и нюансов прописанную панораму русской жизни, вызывавшую острый интерес и бурные споры не только у рядовых читателей, но и у столпов литературно-художественной мысли того времени — Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Михайловского, А.Ф.Кони.

С приходом нового века сочинения Боборыкина потеряли прежний успех, а сам он на закате дней сполна вкусил горечь недоброжелательной критики и забвения читателей. Молодое поколение считало его творчество безнадежно старомодным и, подобно Д.Святополк-Мирскому, было убеждено в том, что многословные романы Боборыкина — не более чем «фотографии разных душевных состояний, через которые проходит типичный интеллигент». Даже сегодня, на волне общего интереса к прошлому, к творчеству Боборыкина обращаются лишь немногие специалисты-филологи. А между тем только лишь по роману «Василий Теркин» (1892), где впервые в отечественной словесности описан психологический тип «нового русского», кажется, можно было бы выстроить генеалогию его дальних потомков...

Пожалуй, самой замечательной особенностью литературной карьеры Боборыкина сегодня представляется завидное долголетие, сделавшее его лето-

писцем отечественной общественно-политической мысли на протяжении более чем полувека. По справедливому суждению современников, он был писатель «идейный», и как передовому интеллигенту ему были одинаково дороги колокольный звон из Лондона и царский манифест об освобождении крестьян, борьба за гражданское равноправие и политические свободы. Однако, дожив до момента, когда заветные чаяния свободолобивой общественности России подошли наконец, как ей казалось, к воплощению, Боборыкин ужаснулся бессмыслице и кровожадности русского бунта. Из тихого швейцарского городка Лугано, где он проводил остаток дней, старый, потерявший зрение писатель сумел не только разглядеть в большевизме худшее из несчастий для судеб родины, но и разгадать психологию этого общественно-политического феномена. В тех, кто декларировал всеобщее переустройство мира на началах «социальной справедливости», Боборыкин узнал прямых потомков и продолжателей печально известного в русской истории самозванства. Весь ход событий в нашем отечестве, прошедший под знаком коммунизма, и даже самое его недавнее крушение многократно подтвердили прозорливость этой оценки. Замечательная проницательность старого писателя проявилась и в том, что накануне ухода из жизни он задумался: что ожидает Россию после коммунизма. И едва ли не первым задал «проклятые» вопросы, терзающие отечественную общественно-политическую мысль по сей день.

Очерк «Тушинский вор» был написан Боборыкиным в ноябре 1917 года, но впервые опубликован посмертно в парижской газете «Слово» 7 августа 1922 года. Очерк «Третья Россия» — одно из последних прижизненных выступлений писателя в печати — появился на страницах газеты «Последние новости» 5 апреля 1921 года. Мы перепечатаем их с незначительными орфографическими исправлениями.

РАШИТ ЯНГИРОВ

Москва

Тушинский вор

В истории «Смутного времени» есть такая ничтожная и грязная фигура, как «Тушинский вор». Кто он был такой? Кажется, русские ученые до сих пор не пришли еще к прочному и несомненному определению.

Устрялов (тот историк, по книжке которого училась Россия моей эпохи), разбирая то, откуда мог выйти такой самозванец, кончает предположением, вылившимся в характерную фразу: «а, может быть, и жид».

И вот этот-то «может быть, и жид», тем не менее, вскоре после убийства и казни первого Лжедмитрия (которого многие, занимавшиеся его историей, считают чуть ли не настоящим сыном Грозного) мог так легко, с таким временным успехом выдать себя за подлинного царя Дмитрия и приобрести в жены Марину Мнишек, которая уже, конечно, знала, что он не тот Лжедмитрий, почти на ее глазах захваченный, после чего он, раненный, был убит выстрелом дворянина.

Так же повели себя при дворе и все те бояре, которые каждый день перебежали из Москвы в Тушино и целовали крест на подданство самозванцу. Он успел даже сделать «Маринку» (как тогда все звали ее) матерью того якобы царевича, которого она после гибели самозванца стала таскать с собою, связавшись с пройдохой-атаманом Заруцким. Если бы в пьяной и безобразной схватке этого «царя» не зарезал выкrest из татар, князь Урусов, кто знает: чем бы еще все это кончилось? Может быть, тем боярам, кто перебежал к нему в Тушино, и удалось бы посадить его на престол? Ведь при нем оказалось войско, в котором было немало и поляков, и казачьей вольницы. Присягала же целая партия бояр польскому королевичу Владиславу! Отчего же не допустить, что в случае удачи и такой проходимец, как Тушинский вор, не вступил бы в Кремль при гуле колоколов и не восстал бы на царское место в Грановитой палате?

Все возможно, но возможно и то, что и в великую разруху, какую переживает наша отчизна, может повсюду всплывать тоже своего рода «Тушинский вор». Я говорю «своего рода»; но почему же не допустить, что и теперь возможно появление самозванца — все равно в

образе кого именно: самозванца контрреволюции или самозванца во имя анархии и всеобщего разгрома.

Ведь Петр III был убит одним из Орловых при воцарении Екатерины II, и это не помешало казаку Емельке Пугачеву объявить себя императором Петром и заставить эту самую Екатерину дрожать за свой трон, добытый ею путем явного участия в злодеянии. Разве его не знали — этого казака Пугачева, — и не только там, у него в станицах, а даже и в Петербурге, где он жил, когда отбывал свою очередную службу? И все-таки в народе так сильно была укоренена легенда о нем как об императоре, что когда Александр II еще наследником престола попал в те места, то очень старые казаки наивно говорили: «Вот мы сподобились видеть сына первой после того, как жаловал нас ба-тюшка-царь Петр Федорович».

Наши революционные бунтари после падения крепостного права в несколько приемов прибегали к игре в самозваных эмиссаров царя с поддельными грамотами. «Тушинский вор» — это символ, это собирательный образ всего того, что Смута, переживаемая Россией, может еще принести с собою; хорошо, если не такие события, перед которыми бедствия междоусарствия 1612 года совершенно побледнеют.

*

Тушинский вор надевал на себя личину первого самозванца, а разве мы не видим теперь, как наши *Катилины* (те, кто умышленно возвратил русского солдата и подготовил гражданскую войну) надевают так же личину, присваивают себе целый ряд псевдонимов?

Все также знали, кто они, откуда пришли, как захватили власть, все знали, что они узурпаторы, что они в самом точном смысле слова «безответственные» зачинщики государственной и национальной разрухи; все это знали, и все-таки они безнаказанно сидят в своем «Тушинском стане», а то, что представляло собою законное правительство, терпело все это, позволяло самозванцам изображать из себя революционную ватагу, издавать законы, производить открытые бунты и подготавливать изменнический мир с лютым врагом России.

Что такое самозванство того тушинского проходимца? Совершенный пустяк! Попьянствовал в Тушино, зарезал его татарский князь — и конец.

А эта гангрена расплзается во все тело мученицы-России; это —

хуже всякого самозванца, хуже таких бунтов, как разинский или пугачевский.

Разин тоже покутил на низовьях Волги, нагребил, понабрал даже городов; но его бунт не поколебал всего здания московского государства. Да и бунт «Емельки», гораздо более обширный и опасный, был сразу делом всенародного обмана, мистификации, игра в воскресение императора, которого Пугачев выдавал за поборника *старой веры*, не зная, что это был прусского образца немец, презиравший все русское, не имевший, конечно, и понятия о том, что такое «древнее благочестие».

Тут — карты на стол! Бунт как бунт. Его надо подавить, что и было исполнено, и даже довольно быстро.

А теперь мы дожили до того, что на всю Россию расплзся этот «тушинский стан». И в каждом городе, начиная с обеих столиц, может найтись своего рода тушинский вор, самозванец, напяливший на себя личину спасителя родины, вещателя высших социальных идеалов, узаконителя всеобщей свалки и самых хищных и кровавых позывов и вождельний.

Разве это — не самый возмутительный вид самозванства: оучиться среди есаулов при атамане целой шайки таких *упразднителей*, и вдруг в его прошлом окажется, что он был провокатор на службе падшего царизма, причем переменял лишь свою фамилию.

И такие-то самозванцы смогли попасть в число руководителей судеб всего русского народа! Подобный позор оставляет на задний план все то позорное, что московское государство перенесло в Смутное время. Если взять этих новейших самозванцев и поставить их рядом с первым Лжедмитрием (с тем, кого историк Костомаров не решался заклеить именем самозванца и придал ему только наименование «названный царь Дмитрий»), то фигура этого претендента на московский престол выступает почти что как нечто героическое. Не считайте его «Лжедмитрием», он как русский царь был бы передовым человеком своей эпохи. Но даже как самозванец он ведь *сам* завоевал себе царство; он взял Москву не так, как Тушинский вор.

А теперешние самозванцы?! Они прибежали «из-за кордона» — хозяйничать на *готовенькое*, когда революция была уже позади, и захватили лже-власть в лже-правительстве, прикрываясь обложными именами.

Что же может быть разительнее этой параллели — между ними и историческим лже-царем — первым самозванцем.

Окончание следует.